

- Так мясник Сюн действительно дома? — недовольно пробурчал один из чиновников, — сколько уже стучим, а ответа всё нет?

- Дома, дома, — поспешил подтвердить Чжоу Хэ. — Раньше сегодня к Сюну пришли торговцы из столицы за товаром, мы сами это видели, он точно никуда не уходил.

Чиновник сплюнул на землю и зло проговорил:

- Точно как сказано в доносе: семья Сюн занимается торговлей прямо у себя дома, не регистрируется в управе, уклоняясь от уплаты налогов. Хорошо, что кто-то это заметил и донёс нашему господину!

Другой, стучавший до онемения кулаков, потеряв терпение, уже занёс ногу, чтобы со всей силы выбить дверь.

И как раз в этот момент дверь со скрипом распахнулась, нога его ударила в пустоту, он не удержался, резко качнулся вперёд и только с помощью товарища сумел устоять на ногах.

От злости чиновник тут же начал ругаться:

- Чего ты открываешь дверь без предупреждения?! Я чуть не упал! Если бы с моим здоровьем что-то случилось, я бы тебе такое устроил, что ты бы на всю жизнь запомнил...

Однако не успел он договорить, как голос сам собой застрял в горле, а ноги, словно одушевлённые, начали отступать назад.

- Ты... ты... — пробормотал он, заикаясь.

Остальные чиновники, заметив его странное поведение, последовали его взгляду — и тут же увидели: за обветшалой деревянной дверью, в полумраке, вырисовывался силуэт.

Силуэт этот был высоким, мощным, подобно маленькой горе.

Хотя в темноте лица различить было невозможно, но исходившее от этой фигуры тяжёлое давление, словно холодный ветер, пробирало до самых костей и заставляло невольно дрожать. А в сгущающейся тьме страх только усиливался, делая этот смутный образ ещё более пугающим.

У всех чиновников разом вырвался судорожный вздох, и в их сердцах невольно зародился страх.

Однако Сюн Чжуаншань, несмотря на то что за дверью стояли именно чиновники, ни на йоту не изменил своего отношения — всё так же хриплым, глухим голосом нетерпеливо рявкнул:

- Что надо?

В ответ ни один из чиновников не осмелился произнести ни слова. Только староста Чжоу Хэ, собравшись с духом, объяснил:

- Мясник Сюн, это чиновники из уезда Юйлинь. Только что слышал, как они говорили: вроде как ты вёл торговлю, не зарегистрировав её в управе, а значит, налоги с этих сделок не поступили. Они пришли взыскать недоплаченные налоги.

Во все времена налоговые сборы были делом чрезвычайной важности: они касались не только благосостояния народа, но и напрямую влияли на карьерные заслуги уездных чиновников.

Юйлинь — бедный захолустный уголок, ни славился талантами, ни мог надеяться на великие свершения. Вырастить здесь какого-нибудь выдающегося государственного деятеля или совершить что-то великое на благо страны было практически невозможно, поэтому уездный начальник надеялся набрать себе очков за счёт налогов.

И даже если не рассуждать о политических достижениях, налоги всё равно были крайне важны: в случае стихийных бедствий, нашествий или при необходимости благоустройства Юйлиня — всё требовало денег. Так что независимо от целей, налоговые поступления рассматривались в управе как крайне серьёзное дело.

Правда, в сельской глуши крестьяне иногда сами торговали своим скромным товаром, получая всего несколько десятков монет прибыли. На такой мелкий промысел уездный начальник смотрел сквозь пальцы: если попадётся под руку — взыщут, не попадётся — так и оставят.

Поэтому крестьяне в большинстве своём относились к этому довольно равнодушно, а иногда и вовсе старались избегать встреч с чиновниками-сборщиками налогов.

Управа могла закрыть глаза на мелких торговцев, но вот упускать «крупную рыбу» она не собиралась, потому, получив донос, чиновники и отправились сюда в спешке и тайно, под покровом темноты.

На деле Сюн Чжуаншань вовсе не собирался сознательно уклоняться от уплаты налогов — просто необходимые бумаги ещё не были оформлены.

Когда выпечка его дома начала пользоваться бешеным спросом и ежедневная выручка достигла нескольких сотен монет, он уже тогда отправился в уездную управу, чтобы зарегистрировать торговлю официально.

В эпоху Юй правовой статус торговцев был вполне обычным делом: кроме невозможности получать землю наделами, никаких серьёзных ограничений не было. Даже родовитые семьи, обладавшие знатностью и старыми корнями, вели свои торговые дела — иначе им было бы не прокормить свою роскошную и расточительную жизнь.

Что до государственной службы, хотя система экзаменов только начала формироваться и, хотя она и была уже строже, чем в предыдущие династии, всё ещё позволяла потомкам торговцев принимать участие в экзаменах, в отличие от более поздних времён, где для купцов это стало запретом.

В эпоху Юй для большинства людей важнее было не то, какой у тебя статус в переписи, а сумеешь ли ты выжить и прокормить себя. Поэтому, когда Сюн Чжуаншань понял, что пироги Тан Шоу действительно приносят прибыль, он без колебаний, воспользовавшись случаем, отправился в город оформлять всё официально.

По идее дело должно было пройти без проблем: уездному начальнику нужны были отчётные показатели, управе нужны были налоги — чем больше зарегистрированных торговцев, тем лучше. Однако на деле чиновники, пользуясь своим положением, привыкли вымогать взятки: без «доплаты» никто не хотел шевелиться.

Сюн Чжуаншань, хоть и был вспыльчив, не был глупцом и прекрасно понимал, как устроен этот мир. Он уже было смирился с необходимостью заплатить, но нарвался на особенно наглого дежурного, который, увидев в нём простака из деревни без связей и покровителей, заломил неслыханную сумму — десять лян серебра. А это было уж слишком: даже зажиточные крестьяне, имея большие участки земли и хороший урожай в удачные годы, должны были два года экономить буквально на всём, чтобы собрать такую сумму; для многих же и вовсе собрать столько было невозможным.

У Сюн Чжуаншаня серебро-то было, но он не мог просто так выложить его. Если бы он отдал всё, а вдруг дела у Тан Шоу с пирогами, пережив начальный бум, пошли бы на спад?

Тан Шоу — шуаньэр, с рождения хрупкий, если случится болезнь или беда, где бы он тогда деньги раздобыл?

На тот момент Тан Шоу ещё не изобрёл ни зубных щёток, ни зубной пасты. Тогда Сюн Чжуаншань и не сказал прямо, что отказывается, только сетовал, что в доме бедно и таких денег нет, спрашивая, нельзя ли уменьшить сумму. А тот чиновник уже попробовал пироги из дома Сюн, прекрасно знал их цену, видел, что в Юйлине их продавали на каждом углу и что они пользовались бешеным успехом, потому был уверен: у Сюна деньги есть, просто он не хочет платить. Поэтому он намеренно затянул оформление, заявив, что ни одной монеты меньше десяти лян он не согласится взять.

Сюн Чжуаншань, сдерживая вспыльчивый нрав, терпеливо ответил, что попробует собрать деньги дома, на деле же он надеялся переждать несколько дней и, когда сменится дежурный, попробовать договориться на меньшую сумму. Но те чиновники были дерзкими: взятки брали

вовсе не втайне, а открыто, сговариваясь между собой, устанавливая общую цену. И кто бы ни стоял на дежурстве, меньше установленного ни копейки не уступали.

Сюн Чжуаншань мог только тянуть время.

Позднее, когда Тан Шоу на зубных щётках и зубной пасте сколотил немалые деньги, Сюн Чжуаншань решил не затягивать больше. Он понимал: пока никто не знает, что эти новые товары — их рук дело, надо как можно скорее оформить бумаги, иначе, когда чиновники прознают, что у них за спиной стоит такое богатство, запросы станут ещё безумнее.

Он передал серебро третьему брату Сюну и попросил его, заодно с поездкой на продажу пирогов, оформить всё. Но не ожидал, что те чиновники, обозлённые долгим ожиданием, разозлятся всерьёз: теперь они не хотели ни денег, ни оформления — просто морозили дело, оттягивая до бесконечности.

Изначально Сюн Чжуаншань собирался продать партию зубных щёток и зубной пасты, чтобы, с деньгами в руках, немного легче дышать — тогда он мог бы лично съездить в управу, в крайнем случае заплатить больше, лишь бы быстрее оформить документы.

Но кто бы мог подумать, что именно в этот момент всё пойдёт наперекосяк.

- Сколько серебра? — Сюн Чжуаншань, решив уладить дело миром, спросил прямо. В доме ведь были торговцы из столицы, нельзя было позволить себе скандал и подставить их. Пусть уж лучше заплатит штраф.

- Что? — чиновник даже опешил, настолько его напугал внезапный напор Сюн Чжуаншаня, что он на мгновение забыл цель их визита.

Сюн Чжуаншань, глядя на него как на дурака, повторил:

- Налог.

- А, это... У тебя есть бухгалтерская книга?

- Нет.

Чиновники переглянулись между собой, не зная, как поступить, пока наконец тот самый, которого Сюн Чжуаншань успел напугать, собрался с духом и сказал:

- Тогда плати десять лян серебра. И ещё — тебе запрещено дальше торговать.

- Почему? — без всякого выражения спросил Сюн Чжуаншань.

На это условие он, разумеется, не мог согласиться. Серебро он готов был заплатить, но запрет на продажу зубных щёток и пасты означал бы полную потерю дохода.

Кроме того, если его супруг Тан Шоу узнает об этом, он наверняка сильно расстроится, может даже снова заболеть — а этого допустить нельзя.

Под неумолимым взглядом Сюн Чжуаншаня чиновник задрожал, машинально потянулся к мешочку с серебром на поясе, его глаза помрачнели.

Собравшись с силами, он резко заявил:

- Это потому, что тебе в первый раз прощают незнание законов. Десять лян — это не налог, а штраф. Ты не зарегистрирован как торговец, у тебя нет лицензии на деятельность — твоя лавка считается незаконной! Поэтому тебя не только штрафуют, но и конфискуют всю твою продукцию — зубные щётки и зубные благовония! Кто знает, безопасны ли эти штуки? А вдруг от них люди начнут умирать!

Сюн Чжуаншань слегка прищурился. Зубные щётки и зубные благовония... Откуда эти чиновники вообще знают о них? Ведь в прошлый раз, когда он ходил в управу, он и словом о них не обмолвился.

Тот чиновник, не осмеливаясь смотреть Сюн Чжуаншаню в глаза, судорожно положил руку на рукоять меча у пояса — словно только так находил в себе храбрость продолжать разговор.

- А если я не соглашусь? — легко бросил Сюн Чжуаншань, голос его был спокоен, ни в одной интонации не прозвучало угрозы, но в ушах чиновников это прозвучало как откровенная бравада.

Все разом вытащили мечи.

- Нет-нет, это недоразумение, просто недоразумение! — староста Чжоу Хэ в отчаянии бросился между ними, не зная, кого и как уговорить: чиновников он не мог усмирить, Сюн Чжуаншаня он не мог остановить, а страх за последствия сковывал его с ног до головы.

- Сюн-эрлан, подумай, когда это было выгодно — спорить с властью? Мы, простые люди, без власти и защиты, что можем добиться? Даже если не жалеешь себя, подумай о своём супруге! Не навлекай беду на него!

Сюн Чжуаншань несколько раз моргнул. Имя Тан Шоу было для него словно живой болью.

Наконец в его взгляде мелькнула реакция, и Чжоу Хэ только тогда осмелился чуть выдохнуть с облегчением.

Увидев, что Сюн Чжуаншань начал колебаться, чиновники осмелели. Стоило только, чтобы у человека появилось что терять, и им сразу было проще манипулировать.

Один из них, задрав нос, с надменной важностью произнёс:

- Слушай сюда: если хочешь, чтобы всё уладилось, заплати штраф, передай нам все зубные щётки и благовония, подпиши бумагу, что отныне отказываешься их изготавливать и продавать — и тогда дело будет закрыто. Иначе — попадёшь за решётку!

- Куда это — за решётку? Что происходит? Муж, кто пришёл? — в это время, не дождавшись возвращения Сюн Чжуаншаня, встревоженный Тан Шоу сам вышел во двор.

И именно в этот момент он услышал конец той наглой фразы, совершенно не понимая, что происходит.

Сюн Чжуаншань быстро повернулся и заслонил собой Тан Шоу, боясь, что тот испугается увиденного.

- Ничего серьёзного, фулан, — спокойно сказал он. — Пришли сборщики налогов. Мы вели торговлю, не оформив документы в управе, теперь требуется уладить формальности, оформить регистрацию и заплатить недостающий налог — и я сразу вернусь.

- Чиновники? У ворот чиновники? — Тан Шоу сразу всё понял: не зря у него сердце тревожно сжалось. Он не верил в лёгкость, с которой Сюн Чжуаншань описал ситуацию — если дело дошло до того, что чиновники сами пришли к ним домой, вряд ли всё так просто.

Сюн Чжуаншань не позволил ему заговорить, решительно подтолкнул обратно в дом:

- Правда, ничего страшного. Я быстро всё улажу и вернусь. Остайся здесь, я попрошу мать побыть с тобой.

- Мясник Сюн! Не тяни! Быстро передавай товар! — за спиной громко выкрикнул один из чиновников.

Тан Шоу, схватившись за руку Сюн Чжуаншаня, с тревогой спросил:

- Что происходит? Что за товар?

Видя, что скрыть правду уже невозможно, Сюн Чжуаншань тяжело вздохнул и признался:

- Они требуют, чтобы мы отдали все зубные щётки и зубные благовония и подписали бумагу, что больше никогда их производить и продавать не будем.

- С какой стати?! — вспыхнул Тан Шоу.

- Потому что у нас нет торговой регистрации, нет лицензии на торговлю, — объяснил Сюн Чжуаншань. — Значит, по их словам, мы не имеем права торговать щётками и благовониями.

В одно мгновение Тан Шоу всё понял. Конечно, зубные щётки и паста привлекли завистливые взгляды. Он предполагал множество возможных неприятностей, но не ожидал, что чиновники осмелятся так нагло использовать силу закона, прикрываясь мнимой законностью, чтобы прижать их к стенке. Иначе, в обычной ситуации, даже без документов, можно было бы просто доплатить налог, выплатить штраф — и продолжать торговать.

На деле уровень образования в эпоху Юй был крайне низким, не то что в поздние времена, когда подобные вопросы понимал почти каждый. Здесь большинство крестьян и вправду ничего не знали о тонкостях торговли. То, что Сюн Чжуаншань хоть что-то понимал, было заслугой его прежних скитаний и набранного жизненного опыта. Поэтому случаев вроде их семьи было предостаточно: попадались — тогда платили налоги задним числом, доплачивали крупный штраф и продолжали свою торговлю. А вот запрет на дальнейшую продажу, как в их случае, явно указывал на чью-то злую волю и желание искусственно задавить их.

Тан Шоу не знал о том, что Сюн Чжуаншань уже пытался оформить документы, но не смог — он только винил себя.

- Это моя вина! — с досадой воскликнул он. — Я совсем забыл о такой важной вещи... Как я мог быть таким беспечным, всё из-за меня!

Сюн Чжуаншань ничего объяснять не стал: сейчас был не тот момент, к тому же у двери стояли чиновники — лишние слова могли только навредить Тан Шоу.

Он лишь сказал:

- Это не твоя вина. Я схожу в управу, улажу все бумаги, и впредь ты сможешь спокойно продавать всё, что захочешь. Не бойся, со мной всё будет хорошо. За нами ведь есть...

Он вдруг замолчал на полуслове: из гостевых комнат вышел Цзинь Цзиньчэн со своим слугой, привлечённые шумом.

- Мясник Сюн! — заорал один из чиновников у ворот, не решаясь зайти в дом. — Ты собираешься выходить сам или мне тебя вытаскивать?! Не заставляй меня применять силу!

Чиновники боялись входить в дом: если Сюн Чжуаншань вдруг озверееет и нападёт, им негде будет спрятаться — потому они только стояли у входа и громко угрожали.

Сюн Чжуаншань больше ничего не сказал, лишь долго и пристально посмотрел на Тан Шоу, а затем резко обернулся и широким шагом вышел за дверь.

Внезапное появление его фигуры напугало чиновников у ворот: они в испуге замолчали на полуслове.

- Я пойду с вами в управу, — спокойно сказал Сюн Чжуаншань. — Мне нужно увидеться с уездным судьей. Но перед этим я должен зайти в дом моей матери.

- К твоей матери? Зачем? Немедленно идём с нами! Не вздумай строить козни... Ты... ты что собираешься делать?! Слушай, я тебе говорю: я — чиновник! Осмелишься поднять на меня руку — ты сам, твой супруг и вся ваша семья загремите в тюрьму! — запаниковал один из чиновников.

- У меня дома сейчас два торговца из столицы. Я не могу оставить моего супруга одного с ними, я должен позвать мою мать, чтобы она осталась с ним.

- Ээ...

Другой чиновник шепнул:

- Пусть уж идёт за матерью. Иначе, если с теми торговцами что-то случится, а потом начнётся расследование, нам самим не поздоровится.

- Ладно... только быстро! — буркнул первый.

Сюн Чжуаншань дошёл до дома, коротко объяснил матери ситуацию. Медлить было нельзя: Чжан-апо без лишних слов пошла с ним, вернулась в дом и осталась приглядывать за Тан Шоу.

А сам Сюн Чжуаншань последовал за чиновниками.

По дороге один из них, не выдержав, попытался уговорить:

- Мясник Сюн, все уже слышали: твои зубные щётки и благовония принесли тебе немалую прибыль. На штраф у тебя точно хватит. Заплати — и дело с концом. А что до зубных щёток и порошка... скажу тебе прямо: на них уже положили глаз. Ты всё равно их не удержишь.

Другой чиновник тоже попытался уговорить:

- Лучше бы тебе согласиться на наши условия: заплатить штраф, смириться со своей судьбой. Может, мы даже поможем тебе, сведём тебя с нужными людьми. Ты продашь им рецепт и выручишь хорошие деньги. Потом сменишь дело — займёшься чем-нибудь другим, жить можно будет спокойно. У тебя ведь ещё есть навык печь пироги — и этого вполне хватит, чтобы кормить семью. Только стоит тебе согласиться, и мы оформим тебе все документы.

- Не будь упрямым, — добавил первый. — Даже если дойдёт до уездного судьи, он всё равно не станет вмешиваться. За этим человеком стоит большая сила, наш начальник и пикнуть против него не осмелится. И потом, сейчас ночь на дворе — думаешь, судья примет тебя? Скорее всего, тебя просто посадят в темницу на ночь. Оно тебе надо?

Сюн Чжуаншань шёл, не замедляя шага, словно вовсе не слышал их слов, ни разу не обернувшись и не ответив.

<http://bllate.org/book/13592/1205358>